

АЖОРАҶ ГОРАОН

БАМИРОН

Джордж Гордон Байрон

Остров, или Христиан[1] и его товарищи

Нижеследующий рассказ основан отчасти на «Повествовании о мятеже и захвате корабля „Баунти“ в южных морях в 1789 году» лейтенанта Блэя, отчасти на «Сообщениях Маринера об островах Тонга». Генуя, 1823

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

I

Сменилась стража. Рея нивой влажной,
Корабль взрезал свой путь браздой протяжной
И рассыпал, как величавый плуг,
Дробимых волн предутренний жемчуг.
Пред ним — весь мир безбрежья и свободы;
Там, позади, — полуденные воды
С их пленом островным... И сумрак, тая
Редел. Над зыбью смутной, рассветая,
Являлась даль. Дельфинов прыдал рой,
Зарю встречая резвою игрой.
А звезды робкие лучей бежали;
В лазурной мгле ресницы их дрожали.
И груди белые день обличал
Раздутых парусов. И ветер крепчал.
И море багрецом отсветным рдело...
Не встанет солнце — как свершится дело!

II

Доверясь страже зоркой, капитан
В каюте спал, виденьем обаян
Земли, родимой, где венец найдут

Отважный подвиг и суровый труд.
Он память славную вписал в скрижали
Тех, что на полюс бурный путь держали.
Утихли бури; день грядущий ясен;
Покой искуплен; отдых безопасен...
А палуба под яростной стопой
Над ним трещит. Руль буйною толпой
Захвачен. Юные горят сердца —
И лета алчут, лета без конца,
С улыбкой женщин солнечных!.. Бродяг
Бездомных не манит родной очаг.
В скитаньях одичалым, им милей
Вертепы дикарей,[2] чем стон морей.
Зовет их рай избыточных плодов,
Леса, где не найдет чужих следов
Охотник вольный, — тучные поля,
И знак густой, и без межей земля.[3]
В нас голод древний все не укрощен —
Свой произвол один вменять в закон!
Им снятся залежи, чей блещет клад
Не в недрах, — въявь очам: в садах услад.
Там — Воля: ей в пещере каждой — храм.
Там — сад мирской, доступный всем стопам!
Природа там лелеет у грудей
Род дико-резвый радостных детей.
Плод, раковина — все богатство там.
Их утлый челн довлеет их путям.
Их игры — травля да прибой зыбей;
Их зрелище — лик белый их гостей...
Вот марево, что дерзких обольстило!

За грезу явь жестокая отметила.

III

Встань, храбрый Блэй! Враг у дверей! Воспрянь!..

Но — поздно! Смута преступила грань!

Стоит у ложа наглый бунтовщик;

К твоей груди приставлен острый штык, —

И связан ты! Мятеж провозглашен.

Кто уст твоих дрожал, тем ты лишен

Свободы рук... Наверх влекут! И власть

Твоя бессильна! Им послушна снасть,

Им руль покорен... Злоба, что бодрит

Отчаянье преступника, горит

В смущенных взорах, что в тебя вперясь, —

Упорствуя, трепещут, — и ярясь...

Мы совесть подчиним ей чуждой власти,

Лишь яростью упившись — хмелем страсти.

IV

Вотще пред ликом смерти ты не смолк!

Ты верных звал: смеялся буйный полк...

И выступить не смел, кто помнил долг...

«Из-за чего крамола?..» Твой вопрос

Рев заглушил проклятий и угроз.

Перед тобой сверкает сталь клинка;

Примкнуто к горлу острие штыка;

И грудь твоя — мишень мушкетных дул.

Ни разу вид убийства не вдохнул

В жестоких трепета... Но ты дерзнул

На вызов, и вскричал: «Пали!..» Восторг —

Из душ безжалостных тот клик исторг.
Все своевольем втоптан во прах:
Но пред вождем недавний ожил страх,
Тебя убить — нет гнева, ни отваги...
«Отдать его на прихоть шаткой влаги!..»

V

«Спустите шлюпку!» — закричал глава.
Кто скажет Бунту «Нет!» — когда права
Сметет самоуправство безначалии?
День пьяный брезжит вольных Сатурналий![4]
Спускает спешно злоба малый челн.
Его доска — твой щит от брани волн.
Скупы запасы: знать на краткий срок
Продлить судил твою пощаду рок!
Воды и хлеба враз — на мало дней
В бореньи жалком умереть поздней.
Канатов и холстов снаряд полезный,
Сокровище паломников над бездной,
Уступлен все ж пловцам, по их мольбе, —
Оплот надежд в неравной их борьбе.
И, полюса раб чуткий, в добрый час,
Дух кормщика вожатый, дан — компас.

VI

Чтоб ужас первый дела заглушить,
Вождь самозванный — кубок осушить
Товарищей зовет: и спех им — пить,
Спех — во хмелю сознание утопить!
«Героям — водка!» — Бэрк вскричал однажды:[5]

Путь влажный к славе вам, страдальцы жажды
Эпической!.. И так же общий толк
Решил: в гульбе рассудка спор умолк.
Звучит «На Отаити!» дружный крик...
Как странно сладок буйственный язык!
Прекрасный остров, изобильный мир,
Приязнь, вседневный праздник, вечный пир,
Детей Природы кротость, нрав приятный,
Дары любви, избыток благодатный,
Так вот что снится морякам суровым,
Всю жизнь гонимым каждым ветром новым, —
Присвоившим злодейскою рукой
То, в чем благим отказано, — покой!
Так создан человек; дорогой разной
Мы к цели все спешим однообразной.
Богатства, рода, племени различье,
Удача, нрав и брренное обличье —
Все глину мягкую в нас мнет властней,
Чем страшный зов за гранью наших дней.
Но шепот тайный будит все ж сердца
И в кликах слав, и в кладовой скупца:
Жизнь — пеструю разворачивает повесть,
А в нас не молкнет голос бога — Совесть.

VII

Челн хилый (скорбный вид!) пловцами полн,
И не вместит всех верных грузный челн.
Невольникам не своего решенья,
Им на досках душевного крушенья —
На опостылом плавать корабле!

Ладья родная сгинет в бурной мгле!
Заранее злорадный мерит взор
Пигмея-паруса с ветрами спор.
И хрупкий ботик, правящий средь волн —
Моряк природный — раковинку-челн,
Друг мореходцев, океана фея, —
Плывет надежней, и плывет вольнее.
Взметется ль шквал на молнийных крылах,
Он в глубь нырнет и спрячется в валах.
И что пред ним победные армады,
Чьи вихрь, вскрутясь, разметет вдруг громады?

VIII

Все справлено; корабль на зов морей
Готов лететь по знаку главарей.
Страж Блэя, раб их воли беспощадной,
Являет трепет жалости досадной,
Умильным взглядом взгляд героя ловит,
Своим — немой печалью прекословит,
Он сочный плод подносит робким даром
К его губам, спаленным жадным жаром.
Едва замечен — услан прочь матрос...
Нет милости! Свирепый гнев возрос!
Мятежник юный выступил (вождем
Обласкан был он) и «Чего мы ждем?» —
Вскричал; чрез борт пловцам кричал, кичась
«Вам промедленье — смерть! Отплыть сейчас!..»
И что ж? Став зверем в диком произволе,
Вдруг вспомнил он все, чем он жил дотопле, —
Чей он палач, пред ним — чей благодетель...

Единый был средь всех тому свидетель.
С укором грозным молвил Блэй: «Так вот
Вся мзда твоя любви моей, забот?
Надежда имя честное оставить
И вящей славой Англию прославить?..»
И дрогнул тот, и головой поник...
«Так! Проклят я!» — шептал его язык.
Он Блэя к борту молча увлекает, —
И молча в лодку тесную толкает, —
Глядит, не в силах слов произнести...
Но многое сказалось в том «Прости!»

IX

Тропическое солнце над волнами;
Резвится ветерок, повитый снами:
Он — что в струне Эоловой — к волне,
Струясь, прильнет — и никнет в тишине.
Веслом упорным роет челн опальный
К утесам, еле видным, путь печальный,
Что в море тучей стелют свой хребет...
Судну с ладьей отныне встречи нет!..
Не мне поведать горестные были
Тех, что страду путей едва избыли,
В опасности и страхе день и ночь,
Все духом утвердившись превозмочь,
Хоть плотью так иссохли, голодая,
Что сына б не узнала мать родная, —
Как выкрал пропитанье рок у них —
И лютый голод, истощась, стал тих;
Как поглотить пучина их грозила,

То вдруг спасала, и ладья скользила,
Полуразбитая, стремленьем вод,
Что, мощь круша, выносят к берегу плот;
Как их гортань и внутренность горела,
И туча каждая, что в небе зрела,
Надеждой зрела им, — и до костей
Мочил их, благодарных, штурм ночей, —
И капли, выжатые из холста,
Как жизнь — впивали жаждущих уста;
Как беглецы от лютых дикарей[6]
Бросались вновь в прибежище морей;
Как призраками встали из пучины —
Неслыханные рассказать кручины,
Мрачней всего, чем были о пловцах,
Плач пробуждают жен, и дрожь в сердцах.

Х

Так участь тех свершалась. Миру весть
Об них дошла, и за страдальцев месть
Восстала. Мщенья требуют уставы;
Поруганы преданий флотских славы...
За буйным мы последуем полком!
Еще им страх возмездья незнаком.
Они плывут над водною могилой, —
Чтоб вновь хоть раз увидеть остров милый,
И в жизни вольной воскресить хоть раз
Недавней неги быстротечный час.
Там беззапретная их ждет свобода,
Земли богиня — женщина, природа!
Там нив мирских не откупать трудом,

Где зреет хлеб на дереве — плодом.[7]
Там тяжб никто за поле не вчиняет.
Век золотой, — что золота не знает, —
Царит меж дикарей — или царил,
Доколь Европы меч не умирил
Невинной вольности простых уставов
И не привил заразы наших нравов...
Прочь, эта мысль! Еще они верны
Природе: с ней чисты, и с ней грешны...
«Ура! На Отаити!» — общий зов;
Ему послушен трепет парусов.
Ветр потянул — живые встрепнулись,
Дыханьем бурным выпукло надулись.
Корабль бежит, и мимо ток течет,
И быстрый ток крутая грудь сечет...
Так волн Эвксинских девственный простор
Взрывал Арго[8] — и все же влекся взор
Пловцов в ту даль, где скрылось их родное...
Ах, эти — прочь летят, как ворон Ноя;
Но за любовью взмыл и черный край:
Гнездом голубки красен юный рай![9]

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

I

Приятны Тубонайские напевы.[10]
За риф коралла сходит солнце. Девы
Заводят хоры легких вечерниц:
— «Уйдем под сень, где сладкий щокот птиц!

Чу, горлица воркует из дубровы!
То не богов ли из Болотру[11] зовы?..
Нарвем цветов с прославленных могил:
Они пышной, где воин опочил.
И сядем в сумерках: сквозь ветви туй
Ллются тихо чары лунных струй...
Живых ветвей таинственные шумы —
Печальные взлелеют нежно думы.
Потом на мыс взбежим — следить валы,
Дробимые о гордые скалы!
Отпрянувши, столбами пены белой
Они взлетают в воздух потемнелый.
Прекрасный бой! Счастливая судьба —
Глядеть в тиши, как их стремит борьба!..
И море любит заводей разливы,
Где месяц гладит космы влажной гривы».

II

«Цветов нарвем на гробовых порогах
И пир зачнем, как духи в их чертогах!
Потом — утонем в резвости прибоя!
Потом — от игр стихийных грудь покоя,
Возляжем, блеща влажными телами,
На мягкий мох, умащены маслами;
Венки свивая из цветов могильных,
Венчался загробным даром сильных!..
Ночь пала... Вызывает Муа нас![12]
Бой колотушек звучен в тихий час!
Уж факелы чертят багряный круг;
Уж ярость пляски топчет светлый луг.

Туда, туда! Вспомянем времена,
Как пиновала наша сторона,
Пред тем что Фиджи в раковину зов
Военный протрубил — и из челнов
Встал враг!.. С тех пор он цвет наш юный косит;
Глухая нива плевелы приносит;
Отвыкли мы знать в жизни только радость
Любовных ласк да лунной ласки сладость...
Пусть!.. Палицу нас враг учил взвивать
И в чистом поле стрелы рассевать.
Своих посевов жатву он пожнет!
Нам пир — всю ночь; война — чуть день блеснет!..
Кружися, пляска! Лейся в кубки, кава![13]
Кому завтра смерть, завтра — слава!
В наряде летнем в путь мы выйдем смело,
Оденем чресла тканью таппы белой;[14]
Увьем чела живой весной веселий,
А шеи — радугами ожерелий...
Как перси, посмуглев под их пыланьем,
Вздываются воинственным желаньем!»

III

«И пляска кончилась. Но не летите,
Подруги, прочь — и радости продлите!
На бой завтра Муа кличет нас:
Вы нам отдайте полный этот час!
Долин Лику молодые чаровницы,
Рассыпьте нам цветов своих кошницы!
Ваш лик прекрасен! Ваших уст дыханье
Нас опьяняет, как благоуханье,

Что с луговых нагорий Маталоко
Над морем стелет теплый ветер далеко!..
И нас Лику чарует и зовет...
Но тише, сердце! Нам, с зарей, — в поход!...»

IV

Звучала так гармония веков,
Пока злой ветер белых чужаков
К тем диким не примчал. И одиноки —
Они творили зло: душе пороки
Прирождены. Вдвойне порочны мы
Грехами просвещения и тьмы;
И сочетает
наше лицедейство —
Лик Авеля и Каина злодейство...
И Старый ниже пал, чем Новый Свет;
И Новый — стар... Но все ж на свете нет
Двоих таких, как два Свободы сына,
Колумбией возвращенных исполина.[15]
Там Чимборасо[16] водит окрест взор:
Рабовладенья всюду смыт позор.

V

Так пелись славы стародавних дней
И длили память доблестных теней,
И подвигов заветные преданья
В их вещице слагались чарованья.
Неверью вымысл — песенная быль;
Но оживает урн могильных пыль
Тобой, Гармония!.. Игрою струнной

Блеск отчих дел затмить — приходит юный
К певцу-Кентавру ученик-Ахилл.[17]
Ах! Каждый гимн, что отрок выводил,
С прибоем слитый иль ручьем журчливым,
Иль в долах эхом множимый пугливым, —
Вечней в сердцах отзывчивых звенит,
Чем все, что столпный рассказал гранит.
Песнь — вся душа; вникает мысль, одна,
В иероглифах темных письма.
Докучен длинной летописи лепет.
Песнь — почка чувства: песнь — сердечный трепет!..
Просты те песни были: песнь — простым!..
Но вверясь их внушениям святым,
В челнах отважных выплыли норманны...
Оне — всех стран, — коль враг не внес в те страны
Гражданственности яд.[18] И что поэм
Искусных блеск, когда он сердцу нем?

VI

Тонула нега песен простодушных
В роскошной тишине глубин воздушных.
Уж умиряло солнце, диск клоня,
Пир пламенный тропического дня;
И мир покоился, благоухая...
Чу, тронул ветер, пальмы колыхая,
Крылом беззвучным сонную волну, —
И в жаждущей пещеры глубину
Она плеснула... Там, близ милой девы,
Чьи сладкие лились в тиши напевы,
Сидел влюбленный юноша; и страсть

Горела в них, — тот яд, чья губит власть
Неискушенные сердца верней
И раздувает из живых огней
Костер, где им, как мученикам, радость
Пылать, и смерть — последней неги сладость...
И их экстазы — смерть! Всех жизни чар
Божественней сей неземной пожар;
И все надежд потусторонних сны
Любви пыланьем вечным внушены.

VII

Уж расцвела, меж дикими цветами,
Дикарка женщиной, хотя летами
Была дитя, по наших стран счисленью,
Где рано зреть дано — лишь преступленью.
Дитя земли младенческой, мила
Красой невинно-знойной и смугла,
Как ночь в звездах или вертеп заветный,
Мерцающий рудою самоцветной.
Ее глаза — язык. Она повита
Очарованием, как Афродита,
Перл моря, — к чьим ногам несет волна
Эротов рой. Как приближенье сна,
Что разывает негой, — сладострастна.
Но вся — движенье. Брызнуть своевластно
Кровь солнечная хочет из ланит
И в шее, темной, как орех, сквозит:
Так рдеют в сумерках зыбей кораллы
И манят водолаза тенью алой.
Дитя морей полуденных, волна

Гульливая сама, — она сильна
Ладью чужую радостей живых
Беспечно мчат до граней роковых.
Еще иного счастья не знавала
Она, чем то, что милому давала.
В ней страха нет; доверчива мечта.
Надежды пробный камень, что цвета
Стирает, — опыт юности неведом;
Жизнь не прошла по ней тяжелым следом.
И смех ее, и слезы мимолетны;
Так гладь озер расплещет ветер залетный, —
Но вновь покой глубин встает со дна,
И родники питают лоно сна,
Пока землетрясенье не нарушит
Дремы Наяд, и в недрах не иссушит
Живых ключей, и в черный ил болот
Не втопчет зеркала прекрасных вод...
Ее ль то жребий? Рок один, от века,
Меняет лик стихий и человека.
И нас — быстрее! Мы гибнем, как миры, —
Твоей, о дух, игралища игры!

VIII

Он — севера голубоглазый сын,
Земли, пловцам известной средь пучин —
И все же дикой; гость светловолосый
С Гебрид,[19] где шумный океан утесы
Бурунами венчал; и буре — свой:
Дитя качал ее напевный вой.
Глазам, на мир открывшимся впервые,

Блеснула пена; и валы живые
Ему семейный заменили круг,
А друга — океан, гигантский друг.
Пестун, товарищ мрачный, Ментор тайный,
Он детский челн по прихоти случайной,
Играючи, кидал. Родные саги
Да случай темный, поприще отваги,
Влюбив, беспечный дух познал мятежность
Всех чувств, — одно изъемя: безнадежность.
В Аравии сухой родившись, он,
Вожак лихой разбойничьих племен,
Как Измаил бы жаждал, терпеливый,
Сев на верблюда, челн пустынь качливый.
Он клефтом был бы в греческих горах,
Кациком — в Чили.[20] В кочевых шатрах, —
Быть может, Тамерлан степной орды.
Но не ему державные бразды!
Дух необузданный, восхитив власть,
Чем утолить алканий новых страсть?
Он должен низойти с высот, иль пасть;
И, пресыщенный, — вновь алкать. Нерон,
Когда б ему наследьем не был трон
И жребий ограничил нрав надменный,
Восславлен был бы, как одноименный
Простой воитель,[21] - и в веках забвен
Его позор без царственных арен.

IX

Ты улыбаешься? Слепит сближенье
Пугливое твое воображенье?

Мерилом Рима и всесветных дел
Как измерять безвестный сей удел?
Что ж? Смейся, если хочешь, без помех:
Поистине, милей печали смех.
Таким он стать бы мог. К мечте высокой
Взвивался дерзко замысл огнеокий.
Героя дух, тирана произвол
И много слав взрастить, и много зол
Могли б. Властней, чем люди помышляют,
Созвездья нас возносят, умаляют.
«Все это — сны. Кто ж был он, наконец?»
Кудрявый Торквиль, бунтовщик, беглец;
Свободен он, как пена вод морских;
И Тубонайской девы он жених.

Х

Он зыбь следит, и с ним — его подруга,
С ним — солнцезвезд островитянок, Ньюга,
Из рода рыцарей, — хоть без герба
(Геральдик, смейся!). Древние гроба
Гласят завет свободы и победы:
В них гордо спят ее нагие деды.
Близ волн — гряда зеленая могил...
А насыпи твоей нигде, Ахилл,
Я не сыскал!.. Когда, подъявля грома,
Являлись гости, диким незнакомы,
В ладьях, перепоясанных грозой,
Где мачт растет, как пальмы стройных, строй
(Их корни, мнится, в море; но содвинут
Ладьи свой лес и крыльев мощь раскинут,

Как облако — широких, — и вода
Плавучие уносит города):
Тогда она кидалась в метель
Валов (в снегах так прядает газель),
Взгребая кипень, в пляшущем челне,
И Нереидой на седом гребне,
Скользя, дивилась, как бегут громады,
Ступая тяжело на крутые гряды.
Но брошен якорь, — и корабль, как лев,
На солнце лег, дремы не одолев;
А вокруг челны снуют: так рой пчелиный
В полдневный зной жужжит у гривы львиной.

XI

Причалил белый! Сколько в слове этом!
И Старому простерта Новым Светом
С доверьем детским черная рука.
Дивятся оба; и недалеко
Приязнь. Радушны бронзовые братья,
И знойный жаркий взор сулит объятья.
Вглядысь, влюбились странники морей
Архипелага темных дочерей.
Не видевшим снегов в своих пределах
Белей примнился лик пришельцев белых...
Бег взапуски, охота и скитанье;
Где хижина — там кров и пропитанье;
Сеть, в теплую закинутая влагу;
В челне порханье по архипелагу,
Чьи острова — что звезды бездн лазурных;
Покой от игр под сказку грез безбурных —

И пальма (ей же нет Дриады равной;
В ней дремлет Вакх, младенец своенравный;
Гнездо орла не выше, чем шатер,
Что над своей бродильней бог простер);
Хмель кавы, что пьянее сока лоз;
Плод, чаша, молоко за раз-кокос;
И дерево-кормилец, чьи плоды —
Без пахот нива, жатва без страды, —
Воздушный пекарь дарового хлеба,
Его пекущий в жаркой печи неба
(Далече голод от него кочует:
Он самобраным яством не торгует), —
Весь тот избыток божьих благостынь,
Те радости общественных пустынь
Смягчили нрав согретых добротой
Одной семьи счастливой и простой:
Очеловечил темнокожий белых,
В гражданственном устройстве озверелых.

XII

И многих сочетали те места.
Из них не худшая была чета —
Мои островитяне: Торквиль, Ньюга.
Они вдали родились друг от друга,
Но оба под одной звездой пучин;
Им лик земли от ранних лет — один.
А детства сон что б нам ни затемняло, —
Все ищет взор, что детский взор пленяло.
Чей первый взор тонул в лазури гор,
Всю жизнь тот любит горных далей флер,

В горах чужих — знакомых ищет линий.
Горит обнять, как друга, призрак синий.
Я много лет в плену чужбин сгубил;
Об?жил Альпы, Аппенин любил;
Парнасу поклонился; над пучиной
Зрел Иду Зевса и Олимп вершинный.
Не все их чары были только сказка
Слав древних, да лучей и линий ласка.
В душе был жив младенца первый жар:
Глядел на Трою с Идой Лохнагар;
О кельтах[22] мне напомнил кряж фригийский,
Шотландию — источник Касталийский.
Гомер, тень мировая! Феб, — прости
Фантазии блуждающей пути!
Меня учил, ребенка, Север бледный
Предчуять и любить ваш блеск победный!

XIII

Любовь, все претворяющая в радость,
Все радугой венчающая младость,
Минувшая опасность — роздых, милый
И тем, чья грудь мятежной дышит силой, —
И красота обоих (дух надменный,
Лизнет, как сталь, ее перун мгновенный) —
Совместной властью необорных чар
В один всепоглощающий пожар
Их души дикие соединили.
Уж грозовым восторгом не манили
Питомца сеч воспоминанья боя.
Дух непоседный не мутит покоя,

Как нудит он орла в его гнезде,
Далеким оком рыща, бдеть везде.
Изнеженность иль элисейский плен[23] —
То был сей сон, когда душе забвен
Надменный лавр над урною могильной:
Не вянет он, лишь кровию обильной
Вспоет. Но там, где прах отживших тлеет,
Не так же ль мирт усладной тенью веет?
Когда б, близ Клеопатры, все забыл
Любовник-Цезарь, Рим бы волен был,
И волен мир. Что сев его побед
Взрастил? Стыда наследье, жатву бед!
Тиранов утвержденье, — след заржавый
На старой цепи, были знак кровавый!..
Природа, слава, разум — все народы
Зовет исполнить так завет свободы,
Как Брут,[24] один, посмел, — велит дерзнуть
И самовласть обезьян стряхнуть
С высоких сучьев! Нас пугают совы, —
За соколов принять мы их готовы.
Но пугала (гляди, их корчит страх!)
Один свободы клич сметет во прах.

XIV

В забвеньи сладостном о жизни, Ньюга,
Вся — женщина, вдали людского круга,
Что мог бы новизной ее развлечь
Иль зоркою насмешкой подстеречь
И возмутить ее сердечный трепет, —
Вдали толпы, где пел бы пошлый лепет

Ей лезть, где б искушал развратный толк
Ее блаженство, славу, сладкий долг, —
Равно была нага душой и телом.
Так радуга на небе потемнелом
Стоит, меняя зыбкие цвета;
И вся сквозит живая красота,
Воздушной млеет, выпрерней парит;
И в небе мрак, — а весть любви горит.

XV

В пещере, вырытой волной напевной,
Они таились в рдяный жар полдневный.
Летит година, и полет времен
Не метит меди похоронный звон,
Что бедной мерой мерит смертный век
И над тобой смеется, человек!
До дней былых, грядущих, что за дело,
Коль настоящий миг душой всецело,
Владычный, овладел? Металла бой
Им заменил приливных волн прибой
На отмели, да диск на башне неба.
День — час один, и числить не потреба.
Склонится ль он, — чу, не вечерний звон, —
Над розой песни соловьиной стон!
Диск пал: не так, как наше солнце, тлея,
Над морем тухнет, в дреме тусклой рдея; —
Нет, в ярости, как бы навек оно
С сияющей землей разлучено, —
Багряной вниз кидается главой,
Как в бездну прядает стремглав герой...

Встав, ищут оба в небесах лучей,
Потом глядят друг другу в глубь очей:
В них свет горит, а мир одела тень...
Ужель промчался быстрокрылый день?

XVI

И диво ль то? Плоть праведника долу,
Но дух восхищен к вышнему престолу;[25]
Миры влачатся, и влачится время, —
Он упредил коснеющее бремя.
Иль немощней любовь? Она — дорога
Эфирной славы в ту ж обитель бога.
Ей все заветное в том мире — сродно.
Впервые в нас
Я новое свободно.
В его пыланьях счастье нам дано.
Возжегший пламя — пламя с ним одно.
Брамины, — двое, на костер священный
Восшед, сидят с улыбкою блаженной
В пожаре погребальном... Иногда
Времен мимотекущих череда
Душе забвенна в общности природы:
Все — дух один, — долины, горы, воды!
Мертв лес? Безжизнен хор светил? Волны
Бездушен лепет? В лоне тишины
Бесчувственно ль бежит слеза пещеры?
Все души мира в алчущие сферы
Наш дух влекут, его сосуд скудельный
Хотят разбить, — зовут нас в беспредельный
Вселенский океан!..

Я — отметнем!

Кто не забылся, упоен огнем

Лазури сладкой? И кто мыслил, прежде

Чем предал мысль корысти и надежде,

В дни юные — о низком личном

Я, —

Любовью царь над раем бытия?

XVII

Влюбленные встают. В приют укромный

Сочится сумеречно день истомный.

Кристаллами отсвечивает свод;

Выходит в небо звездный хоровод...

И к хижине под пальмами, во мгле,

Послушны вечеряющей земле,

Бредут четой, счастливой и безгласной...

О, мир любви среди тишины согласной!..

Глух волн бессонных одношумный ход,

Как раковины рокот, эхо вод,

Что, от родных сосцов отлучена,

Малютка бездн глухих, не знает сна

И молит детским неутомным стоном —

Не разлучать ее с глубинным лоном.

В угрюмой дреме никнет тень дубров,

И реет птица в свой пещерный кров.

Разверзшихся небес поят озера

Святую жажду чающего взора.

XVIII

Чу, — звук меж пальм, — не тот, что мил влюбленным, —

Не ветерок в безмолвьи усыпленном...
То не был ветра вздох вечеровой,
Играющий на арфе мировой,
Когда струнам гармоний первых — борам —
По долам эхо вторит странным хором.
То не был громкий клич тревоги бранной,
Рушитель чар, родной, но нежеланный.
Не филин то заплакал, одинокий,
Невидящий отшельник лупоокий,
Что жуткой жалобой поет в тиши
Пустынную тоску ночной души.
То — долгий был и резкий свист (морей
Так свищет птица), — свист питомца рей
И снасти смольной... Хриплый голос зова —
Через миг: «Эй, Торквиль! Где ты, брат? Здорово!»
— «Кто здесь?..» И Торквиль ищет, чей привет
Ему звучит из мрака. — «Я!» — ответ.

XIX

И потянул во мгле благоуханной,
Пришельца возвещая, запах странный.
С фиалкой ты смешать его б не мог;
Нет, с ним дружней в тавернах эль и грог!
Был выдыхаем он короткой, хрупкой,
Но Юг и Север продымившей трубкой.
От Портсмута до полюса свой дым
Она пускала в нос валам седым
И всех стихий слепому произволу, —
Неугасимой жертвою Эолу
К сменявшимся вскурываясь небесам,

Всегда, повсюду... Кто же был он сам,
Ее владелец? — Ясно то: моряк
Или философ... О, табак, табак!
С востока до страны, где гаснет день,
Равно ты услаждаешь — турка лень
И труд матроса. В негах мусульмане
Соперник ты гаремного дивана
И опиума. Читит тебя Стамбул;
Но люб тебе и Странда спертый гул[26]
(Хоть ты там хуже). Сладостны кальяны;
Но и янтарь струит твои туманы
Пленительно. К тебе идут уборы;
Но все ж краса нагая тешит взоры
Милей: и твой божественный угар
Вполне изведал лишь знаток — сигар!

XX

И обнаружил полумрак дубравный
Обличье пришлеца. Столь своенравный
И необычный он носил наряд,
Что мог морской напомнить маскарад,
Разгульный праздник, дикий и нестройный,
Пловцов, встречающих экватор знойный, —
Когда, под пьяный пляс и говор струн,
На колеснице палубной Нептун
В личине оживает скоморошной,
И бог, забытый в пелене роскошной
Родимых волн, у сладостных Циклад,
Хоть и в морях неведомых — все рад
Потешной ревности своих потомков

И славен вновь последним из обломков
Священной славы... Куртка, вся в дырах,
И трубка неугасная в зубах, —
Стан, как фокмачта, и, как парус, валкий,
Нетвердый шаг, — то отблеск, хоть и жалкий,
Достоинств прежних. Голова в тряпьях,
Наверченных чалмою второпях,
Взамен штанов, сносившихся так рано
(Шипы растут повсюду невозбранно),
Циновки клок, скрепленный кое-как, —
Она ж — и шаровары, и колпак;
Босые ноги, облик загорелый —
Несвойственно то, мнится, расе белой.
Оружье — знак, что белым он сродни;
Воюем просвещенно мы одни.
Из-за широких плеч ружье глядело,
Их службы флотской попригнуло дело,
Но мышцы, как у вепря, были все ж.
И без ножен висел булатный нож
(К чему ножны?). Как верные супруги,
За поясом — два пистолета. (Други,
Насмешки нет в сравнении моем!
Хоть пуст один, все цел заряд в другом).
Бывалый штык (хранительной оправой
Не баловал вояка стали ржавой)
Его воинский дополняет вид...
Таким чете бродяга предстоит!

XXI

«Бэн Бантинг!» — Торквиль пришлецу вскричал:

«Что? Как дела?..» Тот головой качал.
— «И так, и сяк. А нового не мало.
В виду корабль». — «Корабль? И не бывало!
Я на море не видел ничего».
— «Не мог ты с бухты уследить его.
Проклятый парус я завидел с кряжа
Издалека: моя сегодня стража.
Был добрый ветер, — да парус не к добру»...
— «Так якорь здесь он бросил ввечеру?»
— «Нет; но пока не стихнул ветер упорный,
На нас он шел». — «Чей флаг?» — «Трубы подзорной
Я, жаль, не взял. Но, судя по всему,
Нам радоваться нечего ему».
— «Гость с пушками?» — «Еще б! Поди, облаву
На нас затеют. Чует зверь расправу».
— «Травить нас станут? Что ж? Нам не бежать!
Мы не привыкли пред врагом дрожать,
На месте встретить смерть мы, брат, сумеем».
— «Так! Все мы то, товарищ, разумеем».
— «Что Христиан?» — «Тревогу свистнул он.
Везде оружие чистят. Припасен
Наряд готовый легких двух орудий...
Тебя лишь нет!» — «Моей вам нужно груди?
Недосчитаться будет вам нельзя
В рядах меня. Нам всем — одна стезя...
О если б, Ньюга, шел я одинокий
На смертный бой, на зов судьбы жестокой!
Удел мой делишь — ты... Но не держи!
Меня в сей миг! Слезу заморози!
Что б ни было, я — твой. И будь, что будет!..»

Тут Бэн: «Флотяга дела не забудет!»

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

I

Бой смолк, и смеркли молнии в дыму,
Что кроет, гибель окрылив, во тьму
Гортани смерти. Серный смрад оставил
Лицо земли и небеса бесславил;
И не будил пальбы раскатный гром
Лесных раздумий и долинных дрем.
Голодных жерл отгрохотали ревы;
Насыщены отмстительные гневы.
Мятежники сокрушены. В плену
Завидуют живые падших сну.
Немногим, что попрятались в дубравы,
Стал остров милый — островом облавы.
Им нет пристанища. В кольце морей,
Отступников отчизны, как зверей,
Их травят. Не дитя бежит к родимой —
То ищут люди дебри нелюдимой;
Но от людей верней спасут берлоги
Волков и львов, чем жертв двуногих ноги.

II

Простерлася незыблемой пятой
Скала далече в море. Вал крутой
По ней в час бури, предводя бойцов,
На приступ лезет, и стремглав с зубцов

В глубь падает, где полчища бушуют,
Под белым знаменем утес воюют.
Но тих прибой. Томима жаждой злой,
В крови, без сил, стеснилась под скалой
Горсть беглых, — но с оружием, — гордой воле
Не изменив и в безысходной доле.
Не вовсе мужи разучились мыслить:
Спасительней упорствовать, чем числить
Опасности, и что им суждено,
Они, дерзнув, предвидели давно.
Но в них жила надежда — не прощенья,
Забвенья только, или небреженья, —
Надежда, что ловец и не найдет
Их логова в дали пустынных вод.
Надежда пела — отошла забота
Последнего с отечеством расчета.
Их грешный рай, их изумрудный скит
Святой их воли — боле не таит.
Их чувства лучшие на них самих
Обрушились; день судный дел лихих
Настал. Гонимым и в отчизне новой,
Им каждый шаг ко плахе путь готовый.
Лазейки нет. Дружины островные
Сплотились с ними за поля родные,
Союзники, — с копьем и булавой.
Но что доспех Геракла боевой
Меж серных чар и волхвований громных,
До схватки бьющих воинов огромных?
Как веянье чумы, дохнув, их сила
Не храбрым лишь, но храбрости могила!

Полк белый бился храбро. Свершено,
Что против силы слабому дано.
Свободным пасть — вот вольности завет!
Все ж Фермопил других в Элладе нет...
Доднесь! Но из оков — откован меч:[27]
Вновь грекам жить — или костями полечь!

III

Семье подобясь загнанных оленей,
В чьих взорах жар недужный и томлений
Тоска смертельная, но чьи рога
Еще алеют кровию врага, —
Их горсть укрылась под скалою мрачной.
С высот метнулся к морю ключ прозрачный
И прядал с круч, над глубиной вися,
В соль горькую свой сладкий луч неся,
По срывам дикой стреми, свежий, чистый,
Как дух невинный, нитью серебристой
Доверчиво лиясь в живой простор:
Пугливая газель Альпийских гор
Так озирает с края бездны синей
Застылый океан волнистых линий.
К струе воды все ринулись, все жаждут
Унять пожар, которым груди страждут.
Как те, что пьют в последний раз, они,
Оружье кинув, залили огни
Сухих гортаней. Спекшуюся кровь
Недавних ран отмыли (не любовь
Повяжет их, а злоба — кандалами).
И огляделись. Мало под скалами

Стояло их. Безмолвно обменяли
Взгляд испытующий. Всем изменили
Уста. Все немые; смутен каждый лик.
Все умерло — и замер их язык.

IV

Стоял поодаль, полный черных дум,
Сжав руки на груди крестом, угрюм
И страшен, бледноликий Христиан.
Давно ль он был беспечен и румян,
И кудри русые его вились?
Теперь они, как змеи, соплелись
Над бровью хмурой. Он, как изваянье,
Уста сомкнув, в груди сдавив дыханье,
Прирос к скале и, как утес прямой,
Стоит, застыв угрозою немой;
Ногой по мели топнет, разъярен,
И снова в даль недвижный взор вперен...
И Торквиль там же, сникнув на бугор
Челом окровавленным, мутный взор
Окрест обводит. Рана не страшна, —
Болезненной душа уязвлена;
Но мертвен лик, и алая роса
Златистые пятнает волоса.
Не дух в нем изнемог: от истощенья
Был обморок. Бэн Бантинг попеченья
Больному расточал; неповоротлив —
Прямой медведь, — как нежный брат, заботлив, —
То бережно он рану промывает,
То безмятежно трубку раздувает, —

Трофей, что он из сотни битв спасал,
И тысяч десяти ночей сигнал.
Четвертый из товарищей все ходит
Взад и вперед, покоя не находит,
Вдруг глянет под ноги — голыш отыщет,
Уронит, — вдруг бежит и песню свищет, —
Смятенно смотрит в лица, — вид небрежный
Приняв на миг, чрез миг в тоске мятежной
Вновь мечется... Как речь долга! Пять, шесть
Прошло минут на отмели... Но есть
В бессмертье протяженные мгновенья,
Цепь вечности вмещающие звенья.

V

Джэк Скайскрэп[28] (был подвижен он, как ртуть,
Как веер — легок; и перепорхнуть
Чрез все горазд; не мужествен, но смел;
Дерзнуть бы он и умереть сумел,
Но духом падал в длительном боренье) —
«God damn!»[29] — наш Джэк воскликнул в разъяренье:
Два крепких слога, корень всех красот
Британского витийства, и исход
Из всяких затруднений! Исламиту
«Аллах» — как встарь «Proh Juppiter»[30] квиниту[31] —
Равно любезны... В затрудненьи Джэк, —
Он в худшем не бывал за весь свой век, —
И все, что мог, сказал тем восклицаньем.
Сочувственным отплюнул прорицаньем,
Рот оторвав на миг от чубука,
Мыслитель Бантинг: глянул свысока —

И округлил двумя словами фразу...

Она не поддается пересказу.

VI

Затихнув, как изливший гнев вулкан,
Был величав угрюмый Христиан.
Но тишину, как туча, облегло,
Глухими вспышками браздя чело,
Души неуспокоенное горе.
Внезапно, с мрачным пламенем во взоре,
Он огляделся, Торквиля приметил, —
Тот слабым восклонением ответил, —
Вскричал: «Дитя! Так жертвой стал и ты
Безумства моего и слепоты?»
И к юноше, забрызганному кровью,
Ступил, взял руку слабую с любовью,
К груди своей прижал — и отпустил, —
Пожать не смел... Лишь Торквиль возвестил,
Что легче ранен, чем ему примнилось, —
На миг чело страдальца прояснилось.
Он молвил: «Так! Ждала нас волчья яма:
Но мы не трусы, и падем без срама,
И дорого ж мы обойдемся им!
Пусть гибну я: как вам спастись одним?
Уж мало нас: нам не бороться боле.
Мне вся забота — были б вы на воле!
Будь здесь хоть челн, хоть малая ладья —
Вас с упованьем отпустил бы я!
Мне смерть — венец моей желанной доли:
Не ведать страха, не терпеть неволи»...

VII

Не кончил он — из-за скалы понурой,
Поникшей над волной громадой хмурой,
В дали морской означилось пятно;
Как чайки тень, к земле неслоь оно.
Другое вслед, — то зримо, то сокрыто, —
Мелькнет на миг, на миг волной закрыто.
Все ближе... Две ладьи... И взор открыл
В них темнокожий люд... Как взмахи крыл,
В пучине весла быстрые сверкают,
Челны прибой вспененный рассекают,
То вдруг взлетят на завиток гряды,
То ухнут вниз, в гремящие бразды,
А глубь кипит и в кипень влагу мелет,
Вверх мечет хлопьями, холстами стелет...
И прорвались чрез мощные валы,
Как малых птицы две из бурной мглы...
Товарищам зыбей второй природой
Искусство стало — биться с непогодой.

VIII

Не Нереиду вынесла волна[32]
На раковине: первой из челна
Порхнула, темной наготой сверкая
И взором влажным милого лаская,
Светла надеждой, — Ньюга!.. То она,
Любимая, испытанно-верна!
Смеясь и плача, тело к телу, Ньюга
Прильнула к Торквилю, и держит друга,

Как бы не веря, что не грезит сон...
Дрожит: он ранен!.. Но легко... Спасен
Возлюбленный!.. Смеется, плачет вновь...
Ей, дочери бойца, не диво кровь,
И мужествовать деве не впервые.
Миг полон. Что угрозы роковые!
Восторг бежит из глаз ее в слезах,
Ей сердце сжал и замер на устах,
Рыданьем грудь спирает и колышет:
Рай первый чувства в каждом вздохе дышит.

IX

Где тот суровый, кто бы не был тронут,
Когда два сердца так в блаженстве тонут?
Благословляет, затаив участие,
Сам Христиан их молодое счастье;
И с горьким сном погибших дней своих
Слил радость умиленную — за них...
Последний луч обманного огня
Его надежд — угас... «Из-за меня!» —
Проскрежетал он, отвернулся прочь, —
Но не глядеть на тех ему не в мочь:
Так лев на львят косится из берлоги...
Потом застыл — без грусти, без тревоги.

X

Но краток срок благих иль темных дум:
Слышны за мысом чрез стихийный шум
Удары вражьих весел. Кто сей звук
Угрозой смерти сделал? Все вокруг

Их предает, — одна спасает дева!
Она, завидев, что дружины гнева
Плывут, грозя восполнить дело сеч
И путь спасенья беглецам пресечь, —
Туземцам знак дала — спешить к снастям
И даровать убежище гостям
В ладьях крылатых. Христиан, два друга,
Два верных, с ним — сошли на доски. Ньюга
Расстаться с Торквилем не хочет: челн
Другой их примет... И по гребням волн
Ладьи летят. И цель их окрылений
Цепь островков, где логова тюленей
Да чайки водятся, — из мглы встает.
Ладьи летят, — и враг не отстает.
Вот-вот настиг... избегнут... гонит снова...
Как ускользнуть от недруга лихого?
И разлучились бедные челны,
В две разных разлетелись стороны —
Смутить погоню... Мчитесь! Каждый взмах
Весла — вам жизнь!.. За жизнь ли только страх?
Ты, Ньюга, за любовь дрожишь! И хил
Твой челн для этой ноши. В нем, кто мил
Тебе, — с тобой!.. Так цель близка пути, —
Так близок враг... Ковчег любви, лети!

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I

Как белый парус над пучиной бурной,

Когда в ущербе дали блеск лазурный
Меж мраком волн и мутью черной туч, —
Надежды так последний бьется луч.
И якорь сорван. Но чрез вихрь мятежный
Все взору светит парус белоснежный,
Хоть каждый вал его уносит прочь
И сырый берег объемлют мгла и ночь.

II

На Тубонайском взморье, острой грудью
Утес чернеет, обречен безлюдью,
Свой рыбакам пернатым; где тюлень
В пещере сонную лелеет лень,
Ютятся от бурь, но солнце чуть проблещет,
Взыграет он и грозно влагу хлещет.
На скрип ладьи случайной птичий крик
Откликнется из скал, пуглив и дик;
Там грудью голой греет мать птенцов,
Пучины вольной хищников-ловцов.
Где с моря доступ к тесному ущелью,
Пески желтеют в устье плоской мелью.
И черепаший выводок, в броне
Влачась тяжелой, тянется к волне;
Их зной взрастил, и влага благосклонно
Кормящее им простирает лоно.
Часть оставшая — дикий ад трущоб, —
Сюда прибитым бурей — берег и гроб.
Вздохнет спасенный, что под ним земля,
Не рухлые останки корабля...
Гостеприимен не был кров убежный,

Изысканный для друга девой нежной
В годину крайнюю. Но ведом ей
Тайник спасенья, скрытый от очей.

III

В последний миг она велит гребцам
Перешагнуть с ладьи к другим пловцам,
Чтоб челн другой их мышцы подкрепили
И бегство тех дружнее торопили.
Ей прекословить хочет Христиан;
Но знак надежный девой светлой дан:
Она за все порукой; ускользнуть
Из волн сумеют оба. — «Добрый путь!»
И челн пустился, окрылен подмогой,
Как в небе катится своей дорогой
Звезда падучая. Его врагам
Уж не догнать... К угрюмым берегам
Гребет чета, — а враг не отступает.
Но силе юноши не уступает
Рука девичья. На ладьи длину
Приблизились к местам, где в глубину
Уходят глыб отвесных основанья.
На сто челнов, не боле расстоянья,
За ними недруг. Неприступен брег.
Куда ж они направят свой побег?
И юноша возвел с немым укором
На деву взор, и вопрошает взором;
«На гибель ты, любовь, меня вела?
Гробницей нам — пустынная скала!..»

IV

Из рук упали весла. Ньюга встала,
На близкую погоню указала,
«За мной!» — сказала: «Торквиль, не робей!» —
И ринулась, и скрылась в ночь зыбей.
Миг промедленья — и ловцам он лов;
В его ушах бряцанье кандалов.
Ему кричат, и с мощию гребут,
По имени преступника зовут.
Рожденный водолаз, в пучину волн
Стремглав он прынул, темной веры поли;
Исчез из глаз — и вновь не появился.
На зыбь глухую враг глядел, дивился, —
На скалы, скользкие, как гладкий лед:
Не вынырнул, не всплыл беглец из вод.
Вспухает ровными валами хлябь,
И лишь, кругами расплываясь, рябь
От тяжких всплесков двух не замерла.
Да пена снежная по ней плыла,
Как белое подобье саркофага
Над теми, чьей любви раскрылась влага
Могилою ревнивой и немой.
Играла зыбь с покинутой кормой, —
И более ничто не выдавало,
Что здесь два сердца билось, изнывало
За миг единый. И без сих улик
Все было б призрак, сон, что встал и сник
Марой[33] морской... Еще глядят окрест —
И прочь спешат: уплыть от этих мест
Смущенных гонит ужас суеверный...

Он не нырнул, — как огонек неверный
На кладбище, он сгинул: так одним
Пригрезилось. Что светом неземным
Он весь светился, людям не подобный, —
Другим примнилось. Бледности загробной
Все видели печать в его чертах...
Но, и плывя назад, во всех кустах
Плавучей водоросли ищут тела
Того, чья тень, как пена вод, истлела.

V

Но где ж он был, паломник глубины,
С вожатой Нереидой? Спасены
От бед земли, на дне ли темно-алом
Они живут под сводчатым кораллом?
В ревучие ли раковины дуют
С богами бездн, что по валам кочуют?
С Няядами ли Ньюга косы чешет,
Что зыбь струит, — и лаской деву тешит
Не ветер весны, а реянье волны?
Иль в сон без грез они погружены?

VI

Поглощена сомкнувшейся волной, —
Как чадо струй, в стихии ей родной
Она неслась. За ней он плыл умело.
В зеленой мгле отсвечивало тело,
Мерцал амфибии волшебной след,
Путеводя того, кто с первых лет,
Сын северных морей, был с влагой дружен,

Как сверстники его, ловцы жемчужин,
Таящихся на сумеречном дне.
Ему привольно в смутной глубине...
Она скользнула вниз, в глухие жерла,
Наверх рванулась, руки распростерла —
И вынырнула вдруг из душной бездны
В глубокий сумрак и под свод беззвездный,
И шелк кудрей от пены осушала,
И смехом свод отзвучный оглашала.
Под ними — брег; над ними свой шатер
Не небосвод, — пространный грот простер.
Дробит портал подводный в полдень яркий
Луч, преломленный стрельчатой аркой,
В струях зеленых, где, как огоньки,
Игривых рыб мерцают плавники.
Лик милого власами отирает
Дикарка юная. Он озирает
Вертеп, дивясь. Она в ладони бьет,
К норе Тритоновой его ведет,
В расселину скалы. Со свода в щели
День тусклый сходит в тайну подземелий;
И, как церковей готическая сень,
Сонм серых статуй прячет в полутень, —
Все очертанья в их приюте новом
Полупрозрачным скрадены покровом.

VII

В листьях банана скрытый, факел смольный
Привязан был на грудь дикарки вольной,
Повит гнату зеленым, чтоб волной

Подмочен не был светоч смоляной.
Кремень, сухие ветки были тож
В листах защитных. Торквиль дал свой нож:
Клинок в кремень ударил, искра тлеет,
Пещера ярким заревом светлеет.
То был чертог великий, где природа
Ваяла сень готического свода
И смелых дуг сплетенья возвела.
Землетрясений сила подняла
Надстолпия и выперла колонны
Из горных недр, когда с земного лона
Не сбыл потоп и трескалась кора.
В пожарище всемирного костра
Стен первозданных плавилась опоры.
Тьма — древний зодчий — трапезу, притворы,
Резной намет воздвигла. И коль ты
Не вовсе чужд внушению мечты, —
Твой встретит взор в святилище сих мест
Алтарь, и трон, и балдахин, и крест.
И в кружевных капеллах, перевиты
Сквозною сенью, виснут сталактиты.

VIII

И друга за руку она водила,
И пламенником пылким наводила
На своды день мгновенный, чтоб узнал
Он склепы тайные пещерных зал.
И милому с весельем показала,
Что день за днем, заботясь, припасала
В приют любви. Циновка для ночлега,

Гнату — покров, елей сандала — нега
Телам продрогшим — оказались там.
К обеду — хлебный плод, кокос и ям.
Был скатертью банана лист обширный,
А блюдом панцырь черепахи жирной
С ее же мясом. И манит медовый
Банан, и тыква с влагой родниковой.
Чтоб жил огонь, вот смоль сухих лучин.
Все — здесь. Пещера — дом. Он — властелин.
И с ним она, как призрак ночи страстной,
Чтоб сделать ночь желанной и прекрасной...
Случайности судьбы непостоянной
Предвидела она, лишь гость незванный
На взморье выплыл, — милому с тех пор
Готовя сей хранительный затвор.
С зарей, плодами золотыми полн,
У черных скал ее качался челн;
И ввечеру туда ладья скользила
И тайные сокровища свозила...
И торжества не может превозмочь
Сих стран любви счастливейшая дочь!

IX

Она признательность и удивленье
Прочла во взоре милом, и в томленье
Нетерпеливой страсти обвила
Желанного, и к персям привлекла,
И лепетала старое преданье
Любви (любовь стара, как мирозданье;
Но кто пришел и кто придет на свет,

Приходит обновить ее завет):
Как юный вождь — сменилось много лун
С тех дней — нырнул близ этих скал в бурун,
Гонясь за черепахой, всплыл в пещере
И так обрел подводной тайны двери;
Как после, брань ведя, здесь от врагов
Скрывал он деву ближних берегов,
Дочь недруга, спасенную для плена
Дружиной князя; как настала смена
Кровавых дней, — и вождь, собрав свой клан
У скал заветных, прыгнул в океан —
И не вернулся; как дружина мнила,
Что (в нем злой дух, как за него молила
Акулу синюю, как мыс вокруг
Обрыскала, как из пучины вдруг,
Когда рука гребцов грести устала,
Богиня (так им страх шепнул) восстала —
И, светел, за русалкою — женой
Сам витязь всплыл из мглы заповедной,
Как явью призрак стал, и трубный зык
И племени ликующего крик
Чету встречал на берегу родном...
«До гроба жили, счастливы, вдвоем...
Не тоже ль нам грядущее скрывает?»
Взрыв юной страсти повесть прерывает
В пещере дикой... Здесь, певец, молчи!
Одно скажи: в могильной сей ночи
Любовь сильна, как в склепе Абеяра,[34]
Где двадцать лет почивший ждал удара
Кирки заветной, что соединит

С ним Элоизин прах; кирка звенит, —
Мертвец объятья страсти размыкает...
Над брачным ложем рокот не смолкает
Глухих валов, — но сквозь их гул и звон
Милей любви прерывный шепот, стон...

Х

Но где собратья их превратной доли,
Виновники их сладостной неволи?
Спасения товарищи лихие
От человека молят у стихии.
Крутой ли вал от недруга спасет?
Вал гонит вал — и недруга несет.
Добычей ускользнувшей разъярен,
За брошенной добычей рыщет он,
Как коршун, упустивший верный лов.
Гнев множит мощь. Уже простор валов
Отрезан беглецам. Хотя б скала
Их заслонила, бухта приняла
В затвор глубокий! Выбирать нельзя:
Плывут, куда простерлась их стезя.
Причалили — ступить в последний раз
На землю и свой смертный встретить час —
В бою ль, на плахе ль... Отпустили диких,
Готовых стать за братьев бледноликих:
Сам повелел им Христиан бежать,
Напрасной сечи жертв не умножать.
Что меткий дрот с колчаном каленых
Пернатых стрел — противу дул стальных?

Природные ступени голых скал

Срывались к полосе, где челн пристал.

Хватают ружья. Взор горит угрюмый,

К врагу прикован пристальною думой

О близком неизбежном, — дикий взор,

Каким на палача глядит позор

И безнадежность... Так стоит их трое,

Как древле триста, — Фермопил герои, —

Столь схожи с теми, столь различны! Цель

Решит в веках, бесславы ли, молве ль

Восторженной наследием послужит

Смерть храбрецов. По этим трем не тужит

Их родина. Про их последний час,

Сквозь слезы улыбаясь, пересказ

Не обновят в далекой мгле столетий

Их племени признательные дети;

Герой не позавидует борцам;

Нем будет звук их имени сердцам.

Прорезав смертный облак, пламень славы

Не озарит пред миром бой кровавый...

Они то знали. Знал хотя б единый,

Кто их паденья первой был причиной,

Кто, — может быть, рожден для лучших дел, —

Поставил ставкой общий их удел, —

И кость в последний раз игрок кидает, —

И жребий беспощадный выпадает...

Пусть жизнь и честь проиграны! Все горд

Стоит и ждет он, — и, как камень, тверд,

На коем стал, ружье нацелив... Так

Стоит пред солнцем грозной тучи мрак.

XII

Причалил ратный люд, свершить готовый

Бестрепетно и слепо долг суровый.

Так мчится ветер в осенний листопад,

Лес оголит — и не глядит назад.

И все ж, быть мажет, легче было б им

Мстить чужакам, — не родичам своим:

Пусть дерзкие Британию забыли, —

Они Британии сынами были...

Кричат: «Сдавайтесь!» Те молчат. Сверкнул

В луче металл уставившихся дул.

Вновь тот же клик, — молчанье то ж в ответ.

И громче третий зов — отзыва нет,

Лишь по скалам грозящий отзвук грохнул

И в пропастях таинственных заглохнул.

Вдруг треск сухой... Мгновенный вспыхнул блеск.

Все дым застлал. В ущельях гул и треск,

Умноженный раскатным эхом, грянул.

Град пуль от скал, расплюснутый, отпрянул.

Был дан тогда единственный ответ,

Возможный тем, кому надежды нет:

Враг лез на приступ; Христиан вскричал

Своим «пали!» Еще не замолчал

Отгул теснин, как два из строя пали.

По кручам остальные наступали,

Карабкаясь. Безумием врагов

Взбешен, отряд на крайнее готов,

Чтоб кончить дело. Что ступень — то крепость,

Дробящая их натиска свирепость.
Над бездной виснут. Христиан борцов
Твердынями обрывистых зубцов
Ведет искусно. Ищут обороны
На высотах, где лишь орлам притоны.
Их каждый выстрел — смерть: за трупом труп,
Катяся в глубь с уступа на уступ,
Как раковина, падает на мель.
Живых стремится все выше бранный хмель.
Еще довольно смелых. Окружают
Отвсюду трех; повсюду угрожают.
Их, что живыми взять нельзя нигде,
Смерть, как акулу, держит на уде.
Дрались храбро трое. И, кто пал, —
О том врагу стон смертный не сказал.
Был дважды ранен Христиан. Для жизни
Уж не нужна пощада; но отчизне
«Прости» шепнуть он мог в предсмертный час.
Вождю предложена в последний раз
Пощада. Он, как сокол круч, лишенный
Птенцов, с бедром разбитым, погруженный
В полузабвенье, полз. Заслыша зов,
Вдруг ожил — и ближайшим из врагов
Кивнул призывно. Те бегут. Хватает
Ружье, — нет пули, — медную срывает
С камзола пуговицу, в ствол забил,
Прицелился, курок спустил, — убил
Врага, и улыбнулся, — и, как змей,
Повлекся к срыву, где скала прямой,
Глядит в отчаянье. Туда ничком

Подполз он, оглянулся, кулаком
Сжал руку — и с землей, грозясь, простился
Проклятием... рванулся, покатился
Стремниной вниз... и долу, труп безвидный,
Пал, — коршуну добычей незавидной:
Раздранные останки так малы...
Дымился кровью под пятой скалы
Кудрявый скальп, да сталь вблизи чернела,
С которой длань его заоченела, —
Под брызгами прибоя ржавеет ей...
Где остальное? Жизнь его частей
Хладела... А душа?... О, кем изведен
Души заветный путь? Нам заповедан
Долг хоронить усопших, не судить.
Тебе, судящему, не убедить
Тем грозного судьи твоих деяний;
И ты — невольник вечных воздаяний, —
И разве смертной мысли нищетой
Умилосердишь суд сердец святой!

XIII

Свершилось. Остров пришлецом оставлен.
Из вольницы — кто пал, кто обесславлен
Оковами. Понурою гурьбой
Стоят в цепях, укрощены борьбой,
На палубе, где доблестно служили.
Но униженья те не пережили,
Что на скале последний бой вели.
В напитанной их кровию пыли
Их трупы тлели. Кралась к ним, взмывая

На влажных крыльях, хищница морская
С голодным криком. А внизу шумела
Стихия равнодушная и пела
Свой гимн бессмертный. Тешились игрой
Стада дельфинов. Рыб летучих рой
Из волн на крыльях кратколетных прядал
И в волны вновь для новых взлетов падал.

XIV

Еще восток предвестьем дня горит,
А Ньюга, как одна из Нереид,
Всплыла — стеречь хранительным дозором
Сон милого. И видит: над простором
Лазурным парус, парус вдруг блеснул!
И тронул ветер, и парус изогнул...
Ей трепет грудь стеснил, чрез миг высоко!
Восторг вздымает перси: враг далеко!
Сомненья нет: плывет он прочь. Развив
Все паруса, минует он залив.
Как тень мелькнул он! Пену моря с вежд
Она стирает: как залог надежд,
Как радугу небес, следит ветрило,
Доколь его от взора не сокрыло
Морское лоно... Радость! Радость! — Пуст
Широкий океан! Из милых уст
Сейчас услышит Торквиль весть свободы!
Под верные нырнула Ньюга своды;
Что чаяла, что знала, все ему
Поведала любовь. Свою тюрьму
Покинули счастливые. Из волн

Поднялись оба. Разыскали челн,
В скалах укрытый Ньюгой по уходе
Врагов, когда он реял на свободе,
Гоним теченьем: в пору догнала
Она ладью, — ладья любви цела...
Нет, никогда не выносил из волн
Так много счастья, счастья утлый челн!

XV

И вновь из волн встает их остров милый,
Не оскверненный вражескою силой.
Нет грозного на взморье корабля —
Тюрьмы плавучей. Мирная земля
Озарена надеждой. Ревом трубным
Чету встречают и гремучим бубном
Челны родные. Племя и князя
Приветствуют, как нежная семья,
Детей спасенных. Женщины за Ньюгой
Теснятся и целуются с подругой,
Пытая: как спаслись? Полна чудес
Их повесть. Ликованье до небес
Подъемлет клик. Слывет в толпе туземной
«Пещерой Ньюги» их чертог подземный
С тех светлых дней. И тысячи огней
Сзывают люд из дальних куреней
На пир ночной в честь близких, уцелевших
И подвигом любовь запечатлевших.
Сиянье дней сменит веселый пир, —
Какими светел колыбельный мир.

КОММЕНТАРИИ

Над поэмой «Остров, или Христиан и его товарищи» Байрон работал в начале 1823 г. (Песнь первая датирована 10 января 1823 г.). Опубликована отдельным изданием 28 июня 1823 г. в Лондоне Джоном Хантом.

Создавая поэму «Остров», Байрон в ряде эпизодов следовал рассказам очевидцев — авторов двух книг, на которые поэт ссылается в строках, предпосланных поэме.

Автор первой книги, указанной Байроном, Блэй (Блай), Вильям (1753–1817), адмирал. В 1787 г. был послан на корабле «Баунти» на остров Таити, чтобы доставить в Вест-Индию саженцы хлебного дерева. На обратном пути команда корабля подняла мятеж (май 1789 г.), и Блай с несколькими верными ему членами экипажа был высажен в лодку. На ней он проплыл от островов Тонга через Тихий океан к острову Тимор и в Батавию (ныне Джакарта); открыл северные острова Новых Гебрид.

Из книги «Сообщения Вильяма Маринера об островах Тонга», на которую также ссылается поэт, Байрон смог получить представление о природе этих островов, обычаях местных жителей, их фольклоре.

Примечания

1

Христиан Флетчер — матрос на военном корабле «Баунти», один из инициаторов мятежа. В сентябре 1789 г. с восемью членами экипажа и восемнадцатью местными жителями Христиан отплыл на «Баунти» на восток. Много лет спустя стало известно, что они обосновались на острове Питкерн. Члены экипажа, не примкнувшие к Христиану, позже были захвачены командой корабля «Пандора», и десять из них, доставленные в Англию, преданы военному суду. Результаты расследования, опубликованные позже, свидетельствовали о том, что Блай был чрезвычайно жесток с подчиненными, чем и был вызван мятеж на «Баунти».

2

...им милей // Вертепы дикарей... — У Байрона — «милей пещеры приветливых местных жителей...».

3

...и без межей земля... — У Байрона — «равные для всех наделы земли без лендлорда...»

4

Сатурналии — в Древнем Риме всенародный праздник в честь бога времени и плодородия Сатурна, сопровождавшийся разнузданным весельем.

5

«Героям — водка!» — Бэрк вскричал однажды... — Бэрк, Эдмунд (1729–1797) — английский публицист и оратор. См. также прим. к стр. 262. В годы Французской революции рьяно защищал французскую аристократию и абсолютизм. В примечании Байрон отмечает, что эти слова впервые произнес С. Джонсон (1709–1784).

6

...беглецы от лютых дикарей... — У Байрона — «от враждебных туземцев».

7

Где зреет хлеб на дереве — плодом. — На острове Таити и ряде других островов Тихого океана распространено хлебное дерево.

8

...волн Эвксинских девственный простор // Взрывал Арго... — По древнегреческому мифу аргонавты отправились в Колхиду за Золотым руном на корабле «Арго» через Эвксинский понт (Черное море).

9

...эти прочь летят, как ворон Ноя; // Но за любовью взмыл и черный грай: // Гнездом голубки красен юный рай! — Здесь Байрон имеет в виду библейскую легенду о потопе, Ноевом ковчеге и вороне, которого Ной выпустил, чтобы узнать, обнажилась ли суша.

10

Приятны Тубонайские напевы... — В трех начальных строфах Байрон привел в своем переводе текст песни жителей острова Тонга, данной в прозаическом переводе в книге Маринера. «Впрочем, — отметил Байрон в примечании, Тубонай не принадлежит к группе именно этих островов: это был один из островов, послуживших для Христиана и его, товарищей убежищем. Я внес изменения и дополнения, но стремился по возможности придерживаться подлинника».

11

Болотру (у Байрона — Болоту) — согласно местным легендам, остров блаженных, где обитают боги и души жрецов, вождей и других почитаемых лиц.

12

Вызывает Муа нас! — Муа — наиболее крупное поселение на острове.

13

Лейся в кубки, кава! — Кава — хмельной напиток из корней и стеблей одной из разновидностей перечногo дерева.

14

...тканью таппы белой... — Таппа — нетканая материя, изготавливаемая из полос коры бумажной шелковицы, расплющенных деревянными колотушками до прозрачности и эластичности тканой материи.

15

...два Свободы сына, // Колумбией возвращенных исполина. — Байрон говорит здесь о героях освободительного движения в Южной Америке Симоне Боливаре (1783–1830) и Хосе Сан-Мартине (1778–1850).

16

Чимборасо — высочайшая горная вершина в Эквадоре.

17

...приходит юный // К певцу-Кентавру ученик-Ахилл. — По древнегреческому мифу, героя Троянской войны Ахилла воспитывал кентавр Хирон, обучавший его и искусствам.

18

...коль враг не внес в те страны // Гражданственности яд. — У Байрона: «страны, в которые не вторгся враг или чужая „цивилизация“».

19

...севера голубоглазый сын... с Гебрид. — Один из матросов команды «Баунти», Джордж Стюарт, был родом с Гебридских островов на западе Шотландии. В поэме он назван Торквиль.

20

Он клефтом был бы в греческих горах, // Кациком — в Чили... — Клефты непокоренное население горных районов Греции — партизаны. Кацик — вождь индейских племен в Южной Америке.

21

Восславлен был бы он, как одноименный // Простой воитель... — Байрон напоминает здесь о Гае Клавдии Нероне — консуле Древнего Рима, совершившем поход, в котором он нанес поражение Гасдрубалу и обошел Ганнибала (207 г. до н. э.). Победа Нерона-консула, по

существо, обеспечила Клавдию Цезарю Нерону-императору возможность царствовать (54–68). «Когда мы слышим имя Нерон, кто из нас вспомнит о консуле? — задает вопрос в своем примечании Байрон. — Таковы люди!»

22

Кельты — древнее коренное население Великобритании — предки современных шотландцев. Кряж Фригийский — горы во Фригии на северо-западе Малой Азии, близ Трои. Источник Касталийский — Кастальский источник на горе Парнас. В Древней Греции он был посвящен Аполлону и Музам. В переносном смысле источник вдохновения.

23

Элисейский плен — Элизиум — по древнегреческим мифам — поля блаженных, загробный мир.

24

Брут, Марк Юний (85–42 до н. э.) — древнеримский политический деятель, сторонник республики и один из инициаторов заговора против Юлия Цезаря, принял участие в его убийстве.

25

...Плоть праведника долу, // Но дух восхищен к вышнему престолу. — У Байрона — «Вот фанатик! Он прочь от земли в экстазе вознесен...».

26

...Странда спертый гул... — Стрэнд — одна из улиц в центре Лондона.

27

...Но из оков — откован меч... — В момент, когда Байрон писал эти строки, в Греции вновь повсеместно нарастало массовое национально-освободительное движение, к которому поэт

присоединился сам в июле 1823 г.

28

Бэн Бантинг, Джо Скайскрэп — матросы с корабля «Баунти».

29

Черт возьми! (англ.).

30

О Юпитер (лат.).

31

Квирит — полноправный гражданин в Древнем Риме.

32

...Не Нереиду вынесла волна... — Нереида — в древнегреческой мифологии нимфа моря, благожелательная к людям.

33

Мара — мираж.

34

Абеляр, Пьер (1079–1142) — французский поэт, богослов, философ. Трагическая история его любви к Элонзе отражена в их переписке. Существует легенда, согласно которой, когда прах

умершей Элоизы опустили в могилу Абеяра, он простер к ней руки.

О. Афонина